

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ

Аннотация

Современный мир демонстрирует смещение взаимодействия политических субъектов, социальных групп и индивидов в Интернет-пространство, символизацию содержания политических сообщений и симулятивный характер политических отношений. Динамическое развитие и совершенствование информационно-коммуникационных технологий актуализирует потребность анализа и интерпретации различных научно-теоретических подходов к исследованию взаимодействия государственной власти и общества в виртуализирующемся пространстве политики. В связи с этим требует своей научной категоризации содержание понятий «виртуализация политики», «политический символ» как аналитических единиц в контексте исследования особенностей взаимодействия представителей публичной власти и населения, обусловленного процессом информатизации и изменениями в сфере коммуникации.

Ключевые слова: политика, символ, виртуализация, виртуальная реальность, коммуникация.

Автор

Ефанова Елена Владимировна

Кандидат политических наук,
доцент кафедры социологии и политологии
Волгоградского государственного университета
(Волгоград, Россия)

В повседневной жизни понятие «реальность» является естественным и всеупотребимым, поскольку позволяет ощутить и понять человеку объективную часть окружающего мира. Реальность является философским термином, имеющим давнюю традицию изучения. Классически различают объективную и субъективную реальность. Но вместе с тем, существует и понятие «виртуальной реальности».

Такие мыслители как Д. Белл, Э. Тоффлер, З. Бжезинский, М. Кастельс в своих работах указывали, что на рубеже веков происходит переход к новому типу общества — информационному. Однако по мнению Е.М. Боровой подобное «информационное общество нигде не состоялось и в основных чертах осталось в сфере идеалов и мифологии» [2]. Поэтому следует говорить не о переходе к информационному обществу, а о

виртуализации некоторых сфер общественной жизни. В конкретном случае виртуализация есть процесс подмены вещей образами, замещения реальных объектов симуляциями.

Содержание понятия «виртуальности» недостаточно определено, но вместе с тем, является «модным» в современных политологических исследованиях. Обычно его связывают с компьютерной сферой, но на самом деле оно выходит за рамки компьютерных технологий. На это указывает появление таких сочетаний как «виртуальные деньги», «виртуальная демократия», «виртуальная корпорация». Это свидетельствует о том, что виртуальность все больше проникает в индивидуальную и общественную жизнь. Однако человечество не существовало в абсолютно объективной, природной реальности. Как феномен бытия виртуальная реальность ранее создавалась религиозными

и идеологическими системами. Также создаваемая параллельно развитию человечества культурная среда явилась новым, виртуальным пространством, отдельным и отличным от природы.

Интеллектуальное осмысление понятия «виртуальная реальность» началось во второй половине XX века. Вхождение данного понятия в человеческую жизнь приобрело глобальный характер, что говорит о значительных преобразованиях в жизнедеятельности общества. С.О. Хоружий определяет виртуальную реальность как «недовыступившее, недорожденное бытие» [13, с. 10]. Британский религиовед, антрополог и этнолог Джеймс Фрейзер интерпретирует виртуальное бытие как не имеющее той причинности и детерминированности, которое имеет классическое бытие, а время в нем фрагментарно и не имеет направления [8, с. 111]. В этой степени оно противопоставляется константной реальности. Современное понимание виртуальной реальности связано с возникновением компьютеров, в частности, Всемирной компьютерной сети — Интернет (Internet). Интернет предоставил новые возможности для развития взаимосвязей в обществе, которое назвало его виртуальным миром. Виртуальный — то есть, возможный [4, с. 60]. Это вид реальности, которая возникла не естественным путем, а была создана человеческим разумом.

Российский ученый Д.В. Иванов связывает понятие виртуальной реальности с эпохой постмодерна. В работе «Виртуализация общества» исследователь отмечает, что «реальность» является характерной чертой модерна, а именно «овеществленной институциональной структурой, делающей практики независимыми от стремления индивидов» [7]. Это естественная данность. В эпоху постмодерна индивид погружается в виртуальную реальность, где «виртуализация» представляет замещение институциональных практик

симуляциями, образами. Симуляция институциональных практик проявляется в экономике, искусстве, семье и особенно политике.

Вместе с тем, символ не существует вне человеческих отношений. Согласно концепции Герберта Блумера, смысловое значение объекта (предмета) определяется не его свойствами, а возникает в ходе социального взаимодействия [1, с. 173]. Объект представляет собой то, что он есть в реальном или виртуальном социальном взаимодействии, а чтобы понять ту или иную сферу взаимодействия индивидов и групп, необходимо идентифицировать мир составляющих ее объектов в понятиях этой группы. То есть, в несимволическом взаимодействии люди непосредственно реагируют на действия и слова других, в символическом интеракционизме же они интерпретируют данные слова и действия на основе значений, полученных в процессе взаимодействия. Соответственно, политический процесс интерпретируется населением, его стратами и отдельными индивидуумами, исходя из увиденного, услышанного смыслового содержания понятий, которыми некто характеризовал подобные события в политической жизни. Г. Блумер отмечает, что коллективное поведение обладает индивидуальным содержанием и не сводится к сумме действий индивидуальных. Оно детерминируется значимыми символами, возникающими в конкретной ситуации. Такие значимые символы, которые производит и воспроизводит группа в той или иной ситуации, приобретают определенное значение в сфере политики [1, с.176].

В методологии символического интеракционизма следует отметить теорию формирования значений Дж. Мида. Согласно его теории, благодаря «механизму формирования значений» человек вступает в отношения с окружающим его миром [12]. Индивид не окружен уже существующими объекта-

ми, а сам конструирует данные объекты, определяя их значение и действуя на основе символов. Даже сами действия строятся на основе формирования значений. Это есть коммуникативный процесс, во время которого человек видит объект, придает ему значение и оценивает его не без давления внешней среды и внутренних психоэмоциональных реакций; групповые или массовые действия осуществляются на основе выравнивания индивидуальных действий путем подстраивания под действия остальных членов общества, в особенности ближайшего окружения.

Политическая культура не детерминирует восприятие событий и персоналий, но создает условия для этого, поэтому индивиды оценивают, воспринимают, действуют исходя из ситуации, а не политической культуры. В утвердившейся, традиционной, стабилизированной политической системе есть стандартизированные ситуации, в которых соответствующие институты и организации транслируют группы символов, которыми воспринимающая аудитория интерпретирует те или иные ситуации. В современных государствах возникают совершенно новые события, в то время как прошлые ситуации будут становиться неустойчивыми, при этом снижается влияние организаций. Следует иметь в виду, что важным элементом являются действия других действующих людей. В современном обществе с возрастающим числом разнонаправленных линий действий является ожидаемым появление событий, где поведение участников процесса не было стандартизировано и отрегулировано. Соответственно, символы интерпретации, используемые группами или индивидами в подобных ситуациях, могут значительно варьироваться.

Символ — структурная единица виртуального пространства, пересекающегося с реальным во взаимодействии людей. Согласно Дж. Миду, значимый символ обозначает 1) предмет или со-

бытие, 2) с соответствующей на него реакцией, находящей выражение в определенных действиях и 3) создают средства, с помощью которых люди могут общаться в социальной среде. А также 4) люди могут выбирать конкретные символы из набора имеющихся, осмысленно совершая конкретные действия [12]. Пониманием такого значения символов пользуются имиджмейкеры, которые стремятся сформировать выдающихся личностей из политиков, например, демократов или патриотов, борющихся за справедливость, то есть преобразуя изначально присущие им качества. Для конкретного человека символическое значение обусловлено его жизненным опытом, оно образуется благодаря окружающей среде, в которой существует индивид; т.е. символическое значение не представляет собой установленный раз и навсегда перечень качеств. Из этого следует вывод, что будет отличаться интерпретация этническими, религиозными, социально-экономическими группами политических символов.

«Благодаря тому, что человек может приписывать политическим символам то значение, которое кажется ему наиболее близким, значение этих символов производится не от тех общих значений, которые этот символ имеет, а от представлений общества по отношению к этим символам» [10, с. 134]. Из этого следует вывод, что понятию «коммунизм» позволяет стать политическим символом приписываемый обществом негативный контекст, а не интерпретация изначально присущих ему черт как таковому. Восприятие символов основывается на представлениях социального окружения человека, в котором он существует, а также от его социального статуса. В ходе социализации во взаимодействии с другими людьми формируется восприятие символов. Поэтому чем социально-активнее человек, тем более традиционно он воспринимает символы [10, с. 137].

Символ эффективен в зависимости от числа людей и конкретной ситуации, при этом данный символ должен «подходить» к ситуации.

Относительно применения коммуникативного подхода в обосновании процесса виртуализации политики следует отметить идеи Н. Лумана, который трактует понятие власти как «символически генерализованное средство коммуникации». Немецкий ученый отмечает, что «прямое коммуникативное обращение к власти заменяется обращением к символам, накладываемым на обе стороны нормативные обязательства и одновременно принимающим в расчет подразумеваемый перепад между властными уровнями» [11, с. 21].

В условиях развития СМИ коммуникация становится массовой. Г. Лассуэлл определял массовую коммуникацию как «целеориентированный процесс воздействия коммуникатора на целевую аудиторию при помощи соответствующих сообщений» [3, с. 18]. Подобное воздействие производится путем средств массовой информации на аудиторию, не имеющей горизонтальных связей и представляющую массу изолированных друг от друга людей. Люди потребляют пропагандистскую информацию по вертикальным каналам односторонней коммуникации. В данном случае пропагандист — инициатор политической коммуникации, субъект коммуникационного управления, который использует значимые символы для осуществления воздействия в формате пропаганды.

Не менее значительным исследователем в рамках методологии коммуникативного подхода является Мануэль Кастельс, который, следуя логике М. Фуко, характеризует процесс виртуализации политики следующим образом. Если в обществе власть вездесуща и носит дисциплинарный характер (производство — завод, сексуальность — гетеросексуальная па-

триархальная семья), то в политике источниками дисциплинарного дискурса выступают религиозные институты, элиты, университеты, медиа. Следовательно, для того, чтобы бросить вызов существующим властным отношениям, необходимо сформировать альтернативные дискурсы, обладающие способностью преодолеть дисциплинарную дискурсивную способность государства для нейтрализации насилия, используемого им. В данном случае дискурс — это основа конструирования смыслов и осуществления принуждения, посредством чего, собственно, реализуется власть [9, с. 28].

С понятием «виртуальной реальности» связывают такие термины как «образ», «подобие». Что касается последних, которые на французский лад будут звучать как «симулякр», то на их основе французский философ Жан Бодрийяр разработал знаменитую концепцию виртуальной реальности. Социальная реальность является производной по отношению к знаковой системе. Симулякр — единица последней, это есть 1) ложная копия, скрывающая отсутствие оригинала, 2) иллюзия, образ идеологического сознания [6, с. 29]. При этом история человечества выглядит как переход от «истинного» к «ложному» симулякру, где симулякр имеет онтологический статус в процессе становления гиперреальности, упраздняющей реальность как таковую. Таким образом, сама реальность для Ж. Бодрийяра виртуальна в эпоху постмодерна, когда симулякры вроде истинных патриотов или демократов стали правдивыми и близкими нам, стали поглощать объективную реальность.

Политическая сфера общества в качестве самостоятельной реальности в концепции Ж. Бодрийяра также начинает подменяться симулякрами, становясь виртуальной, гиперреальной. Исчезает представление о политике как целедостиженческой деятельности [6,

с. 31]. Политика симулируется с целью сохранения или обретения властных полномочий, не имеющей ничего общего с реализацией конкретных программ. Политические партии симулируют оппозицию, противостоя друг другу, а не борются за что-либо реальное и не отстаивают это. При этом виртуализируется сама структура политических субъектов, наделенная размытыми функциями, иногда даже незакрепленными легитимно. Ж. Бодрийяр называет гиперреальностью то, что отражает общественное мнение. Население не воспроизводит свое мнение, поскольку оно создается в виде системы символов средствами массовой информации. А бюрократическая система контроля уступает место «мягкому контролю», реализуемого с помощью симуляций.

Уходят в прошлое и прежние образы «друзей» и «врагов». Реальные нормы взаимодействия между странами становятся симуляцией «стратегического партнерства», поскольку для реального политического партнерства стране необходимо быть политически и экономически развитой. На данный момент существует скрытый или явный отход от ранее признанных норм международными субъектами. Из этого следует, что реальная жизнь не является вследствие всего этого стабильной и безопасной. Наоборот, ожидаются непредсказуемые изменения в политических интересах, повышаются неопределенность и риски.

Логику Ж. Бодрийяра продолжает Славой Жижек, определяя виртуальную реальность как «генерализацию процедуры предложения продукта, лишённого своей субстанции: она обеспечивает ему реальность, лишённую своей субстанции [...], как кофе без кофеина обладает запахом и вкусом кофе, но им не является, так и виртуальная реальность переживается как реальность, не будучи таковой» [5, с.18].

Разделение неполитизированных профессиональных управленцев и пу-

бличных политиков есть симптом виртуализации политики, в частности выборов и самого государства. Другой симптом виртуализации политики — манипуляции с рейтингами, замещающие общественное мнение. Манипулятивные рейтинги основываются на выборочном опросе, в котором опрашиваемые выбирают варианты мнений, сконструированные экспертами. На выходе получается некая модель, образ общественного мнения. Участвующие в опросе «оживляют» эти симулякры, чтобы образы общественного мнения стали реальными факторами в принятии и реализации политических решений. Так как симулякры подменяют реальное волеизъявление граждан и действия политиков, то роли избирателя и кандидатов в политики и самих действующих политиков становятся виртуальными.

Таким образом, основываясь на научно-теоретическом подходе к анализу символического взаимодействия власти и общества, было выявлено, что в современной политологии актуализируется проблема исследования виртуализации физической реальности. Необходимо в рамках политологического дискурса интерпретировать процессы транслирования политических символов и образов посредством электронных масс-медиа. С точки зрения методологических принципов коммуникативного подхода, виртуализация в политике есть процесс замещения реальных объектов (политических институтов, норм, практик) символами, симуляциями, которые формируются и интерпретируются в ходе социально-политического взаимодействия политических субъектов и населения при посредничестве СМИ. При этом политические символы выступают значимыми объектами личностного восприятия, которые обладают значением, отличным от своих реальных свойств, а приписываемым институциональной средой политики.

Литература

1. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Т.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 179 с.
2. Боровой Е.М. Виртуализация политики в современной России. — URL: <https://www.sibsubis.ru/upload/publications/78c/lthtxieckxqdmrukvhqlhctnxf%20tdvoehilagueify%20jp%20qdzmkqxssrgpwztssoxzx%20jadefljhktwb.pdf> (дата обращения: 20.12.2022)
3. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. — М.: Изд-во Моск. ун-та; Проспект, 2015. — С. 17–20.
4. Гасилин В.Н., Тягунова Л.А. Виртуализация современного общества // Власть. — 2007. — № 1. — С. 60–62.
5. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального / Пер. с англ. Артема Смирного. — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. — 160 с.
6. Закирова Т.В., Кашин В.В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник ОГУ. 2012. — № 7 (143). — С. 28–36. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-virtualnoy-realnosti-zhana-bodriyyara> (дата обращения: 20.12.2022)
7. Иванов Д.В. Виртуализация общества / СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. — 96 с. — URL: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt (дата обращения: 20.12.2022)
8. Каримов В.А., Саяпин В.О. Виртуальная реальность как философская проблема // Вестник ТГУ. — 2003. — Вып. 3 (1). — С. 110–112. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-kak-filosofskaya-problema> (дата обращения: 20.12.2022)
9. Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 с.
10. Кобб Р., Элдер Ч. Использование символов в политике // Политическая лингвистика. — Издательство Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург). — 2009. — № 29. — С. 131–145. — URL: <https://vdocuments.mx/-5750a98d1a28abcf0cd11992.html?page=15> (дата обращения: 20.12.2022)
11. Луман Н. Власть. — М.: Праксис, 2001. — 116 с.
12. Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — С. 116–120.
13. Хоружий С.О. О старом и новом. — СПб.: Алетейя. — 2000. — 346 с.